

И.Е. Каплан

«Пророк»

В разные годы Лермонтов касался вопроса, волнующего каждого большого художника, — о назначении искусства, миссии писателя. Безбоязненно нести людям правду о жизни, быть выразителем «мыслей благородных» — в этом поэт видел свой долг перед современниками. Не случайно Лермонтов сравнивал деятельность писателя с миссией пророков в библейские времена. Этот образ часто встречается в его поэзии («Не смейся над моей пророческой тоскою...», «Поэт», «Журналист, читатель и писатель» и др.). Однако в действительности благородные устремления многих писателей сталкивались с противлением власти имущих, и судьбы создателей великих творений зачастую складывались драматично. Об этом проникновенно поведал Лермонтов в стихах «Смерть Поэта», «Памяти А.И. Одоевского». Как значимо и емко лермонтовское поэтическое выражение о Пушкине — «невольник чести»! Честь и достоинство гения оказались в неволе у «завистливого и душного» света.

Быть может, наиболее обобщенно о конфликте мужественной и благородной личности с косностью окружающей среды Лермонтов сказал в своем последнем стихотворении «Пророк» (1841).

Афористично и емко звучат первые строки этого произведения:

С тех пор как Вечный Судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Всеведение (обладание знанием обо всем) помогло Пророку понять тайные страсти и побуждения людей. В обществе злобы и лжи он стал «провозглашать... любви и правды чистые ученья». Слово *любовь* порой понимается ограниченно, а оно несет большой смысл. Это не только любовь к близким, но любовь к человеку, любовь активная, оказывающая помощь и поддержку каждому, кто в ней нуждается. В выражении «правды чистые ученья» речь идет об утверждении высокой нравственности и добродетели (см. слово *чистый* в Толковом словаре русского языка под ред. Ушакова). Однако эта проповедь человечности вызвала обратную реакцию:

В меня все ближние мои
Бросали бешено камень.

Обратим внимание на слово *бешено*. Оно говорит о каком-то остервенении, ожесточении слушателей. И всюду была одна и та же реакция: «Из городов бежал я нищий...»

Пророк находит для себя единственное пристанище — пустыню. Там — покой и полное единение с миром природы:

И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Однако Пророку вновь довелось встретиться с соплеменниками и выслушать от их старейшин слова, которые больнее ранят («Как презирают все его!»), чем некогда брошенные в него камни. Старцы самодовольно и безжалостно судят Пророка:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

Для старейшин человек, провозгласивший добро и справедливость как норму жизни, — глупец, который наказан Богом. Об этом говорит его бедственное положение, к которому они не испытывают никакого сочувствия. Наоборот, они удовлетворены, что перед ними изможденный человек, нищий. Старцы так и не простили проповеднику его независимости, неподчинения их авторитету. Конфликт исчерпан. Пророк был изгнан вторично. Впереди годы одиночества. О себе лирический герой рассказал сдержанно, никого не обвиняя в своей участи и не жалея о своей проповеди любви к людям.

В отдельных работах о произведении столкнемся, на наш взгляд, с неточными оценками его содержания. В таком авторитетном издании, как «Лермонтовская энциклопедия», прочтем: «Пророк» был в «известной мере» полемическим ответом на одноименное стихотворение Пушкина, а в сборнике избранных произведений Лермонтова «Стихотворения и проза» (М., 1987) сказано более определенно:

«Стихотворение по теме восходит к “Пророку” Пушкина и вместе с тем полемично по отношению к нему. Продолжая развитие пушкинского “сюжета”, Лермонтов пишет уже о печальной судьбе поэта, о ненужности его миссии, трагическом уделе презираемого и гонимого певца».

С этой оценкой согласиться трудно. Содержание стихотворения не позволяет сделать подобные выводы. Бесспорно, что тональность лермонтовского «Пророка» отличается от пушкинского, но ведь и содержание их разное. Пушкин лишь обозначил те черты, которыми должен обладать поэт-пророк, чтобы «глаголом жечь сердца людей». Лермонтов же изобразил его в пору, когда он обратился к людям с проповедью любви и справедливости.

Ошибочно было бы думать, что в конце своей жизни Лермонтов пришел к заключению о ненужности поэтического слова. Последние письма поэта, воспоминания современников говорят о его стремлении уйти в отставку, приступить к изданию журнала. В поэте зрели замыслы больших исторических романов о прошлом и настоящем России. В своем творчестве он обличил ложь и бездушие людей светского общества, осудил рабскую покорность, духовную опустошенность своего поколения. Но его обличения были всегда овеяны «мечтой благородной», его слово к людям было «очищено и обмыто» гуманистическим отношением к миру. Но Лермонтов, как и Пророк, оказался чужим в той среде, где он вынужден был вращаться. И его преследовали за «правды чистые ученья». Письмо поэта к С. Карамзиной от 10 мая 1841 г. дает представление о драматизме положения Лермонтова:

«Только что приехал в Ставрополь... и тотчас же отправляюсь в экспедицию... Пожелайте мне счастья и легкого ранения, это самое лучшее, что только молено мне пожелать... Признаюсь вам, что я порядком устал от всех этих путешествий, которым, кажется, суждено длиться вечность».

Последнее стихотворение Лермонтова — это о себе, о своей изгнаннической судьбе и бесперспективности своей участи. Но стихотворение не только о судьбе поэта. Смысл его значительно богаче. В нем выявлена вечная коллизия борьбы прогрессивно мыслящей личности с реакционными силами общества. Это столкновение разума и тьмы кончалось порой трагически. Такова была участь ученых Бруно и Галилея, общественных деятелей и писателей Радищева и Герцена,

Для понимания стихотворения необходим небольшой историко-литературный и языковой комментарий. Обратимся к семантике слова *пророк*: *прорекать*, *проречь* — предсказывать, предвещать. В библейские времена пророков было много. Это были образованные люди: писатели и ораторы; трезвые политики, которые хорошо ориентировались

во внутренней и внешней обстановке, в отдельных случаях предвидели развитие событий в стране. Они выступали против пороков сановников и правителей, обвиняли их в том, что они гонятся за мздой, захватывают дома и землю соплеменников. Имена и проповеди многих пророков сохранились: Исаяи (VIII и VII вв. до н. э.), Иеремии (650–640 гг. до н. э.). Приведем лишь одно высказывание Исаяи, обращенное к знати. От имени Бога пророк заявлял:

«Перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову».

Лермонтов заимствовал из Библии образ пророка и стремился быть верен библейскому миру. Отсюда — изгнание пророка (это случилось), выражение скорби (голову посыпали пеплом), наказание отступников от веры предков (их забрасывали камнями).

Лексика, отдельные выражения воссоздают колорит легенды, передают стилистику речи Пророка. Для этого автор прибегает к устаревшим книжным и церковнославянским словам, афористичным выражениям: *Вечный Судия, всеведенье пророка, очи, провозглашать любви и правды чистые ученья, ближние мои, глава, даром Божьей пищи, завет Предвечного храня, мне тварь* (здесь — живое существо) *покорна там земная; град*.

В речи старцев нет образности выражений, присущих Пророку. Убогая мудрость старцев к этому не располагает. Для них характерны простота лексики, присущие разговорной речи интонации, повторения слов: «Смотрите: вот пример для вас!», «Смотрите ж, дети, на него...», «Смотрите, как он наг и беден...». Единственное образное выражение «Бог гласит его устами» по сути цитата из заявления Пророка: «Глупец, хотел уверить нас, что Бог гласит его устами!»

Выразительность языка стихотворения — результат напряженного труда. Черновые варианты знакомят нас с тем, как тщательно поэт отбирал нужное слово, выражение, чтоб не нарушить единство стиля, логику образов.

Первоначальный вариант	Окончательный вариант
<i>В глазах людей читаю я</i>	<i>В очах людей читаю я</i>

Возвышенный контекст первой строфы определил выбор слова — *очи*, а не *глаза*.

<i>В меня все близкие мои</i>	<i>В меня все ближние мои</i>
-------------------------------	-------------------------------

Выражение «В меня все близкие мои бросали... камня» не совсем оправданно. Почему люди, связанные дружескими отношениями, родные бешено бросали камни в Пророка? И второе: *близкие мои* говорит об ограниченности круга тех, к кому обращался Пророк. *Ближние мои* — по религиозно-нравственным представлениям — всякий человек для другого близок. Круг общения Пророка с людьми в окончательном варианте шире.

<i>Завет Всевышнего храня</i>	<i>Завет Предвечного храня</i>
-------------------------------	--------------------------------

Всевышний — стоящий выше всего существующего. *Предвечный* — извечно существующий. Здесь не иерархическое, а философское осмысление Бога. Заметим, строка «Завет Предвечного храня» перекликается с началом стихотворения: «С тех пор как Вечный Судия».

<i>Я пробираюсь потаенно</i>	<i>Я пробираюсь торопливо</i>
------------------------------	-------------------------------

Пророк пробирался *торопливо*, так как не желал общения с людьми. *Потаенно* (тайно, секретно) не соответствует логике образа. Пророк не чувствовал своей вины перед людьми, чтобы прятаться от них.

<i>То слышу детям говорят</i>	<i>То старцы детям говорят</i>
<i>Отцы с улыбкою надменной</i>	<i>С улыбкою самолюбивой</i>

В черновом варианте несовершенен порядок слов; инверсия ухудшает выразительность строк. Слово *слышу* — лишнее, оно никакой дополнительной информации не несет.

Слово *отцы* (здесь: в значении родоначальников племени) уступает по смысловой нагрузке слову *старцы* (старейшины), так как в нем более ясно выражен преклонный возраст старейшин, их приверженность к устоявшимся жизненным канонам.

В объяснении нуждается слово *дети*. В контексте строки оно, конечно же, не означает «малолетние»; слово употреблено как обращение к младшему, подчиненному.

Слово *самолюбивый* в окончательном варианте более, чем определение *надменный*, отрицательно характеризует старцев. Слово это во время написания произведения имело иной смысловой оттенок, нежели в наше время. Сошлемся на Толковый словарь Даля:

«Самолюбивый, честолюбивый, который любит почет и лесть, везде хочет быть первым и требует признания достоинств своих, ставит себя выше других».

В словаре Академии Российской (первая четверть XIX в.) дано толкование слову *самолюбивый* как пороку, ослепляющему разум.

Тщательная работа над словом шла в обстановке постоянных переездов поэта, походов, военных действий, когда каждый день мог быть последним. Каким же самообладанием, творческой сосредоточенностью нужно было обладать, чтобы весной и в начале лета 1841 года создать такие шедевры лирики, как «Листок», «Выхожу один я на дорогу...» и «Пророк»!